
ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕКСТАХ

Т.В. Ларина, В.И. Озюменко,
Е.Б. Пономаренко

Кафедра иностранных языков филологического факультета
Кафедра иностранных языков юридического факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются некоторые языковые механизмы воздействия на аудиторию путем формирования стереотипов массового сознания в отношении тех или иных стран, событий, явлений общественной и политической жизни, а также отдельных личностей, используемые в британских, американских и российских средствах массовой информации, главным образом в текстах информационных сообщений.

Ключевые слова: языковое манипулирование, манипулятивное воздействие, общественное сознание, идеологема, эмоциональная оценка, эвфемизация.

Главной функцией информационного жанра является передача информации, однако эта передача редко бывает полностью нейтральной, т.е. абсолютно свободной от элементов воздействия на аудиторию. Как и все публицистические тексты, тексты информационного жанра также носят воздействующий характер, нацеленный на создание у аудитории определенного отношения к передаваемой информации. И это не случайно, так как они создаются «в соответствии с определенной идеологической системой и опираются на систему определенных идеологических ценностей» [6. С. 129]. Более того, особенностью языка современных СМИ является возрастание значимости воздействующей функции.

Как отмечают исследователи, в текстах СМИ представлена система «стереотипов массового (общественного) сознания, включенных в круг привычных ассоциаций, достаточно устойчивых независимо от характера интерпретируемого события» [8. С. 231]. К таким стереотипам применяется также термин *ключевые слова идеологической системы*, или *идеологемы* [7. С. 180]. Н.И. Клушина называет идеологему базовым понятием публицистического дискурса, отмечая, что в основе идеологемы лежит мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой (*железный занавес, империя зла, ось зла, холодная война* и пр.) [3. С. 93—95].

Языковое воздействие на общественное сознание может проявляться в открытой и скрытой формах. В последние десятилетия все большее значение и актуальность приобретают скрытые формы воздействия. Наиболее распространенным и эффективным видом скрытого воздействия на сознание является языковое манипулирование общественным сознанием. Ряд исследователей [1; 5] считают манипулятивное воздействие одной из важнейших функций СМИ наряду с информаци-

онной, образовательной, рекламной. Под языковым манипулированием они понимают «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждения относительно замысла или содержания речи, осуществленное на трех уровнях: индивидуальном, групповом и массовом» [1. С. 12]. В СМИ имеет место манипулирование массовым сознанием.

Языковое манипулирование осуществляется при помощи различных языковых средств. Наиболее важными из них являются слова с эмоционально-оценочным компонентом, метафоры, эвфемизмы.

Поскольку задачей скрытого языкового воздействия является формирование определенного отношения аудитории к тому или иному социальному или политическому явлению, событию, факту, политическому или общественному деятелю, то воздействие основано на привнесении в лексическую единицу новых смыслов, коннотаций или на выборе близкого по смыслу слова, содержащего, в зависимости от цели автора, либо пейоративный, либо мейоративный эмоционально-оценочный компонент.

Выбор нужной языковой единицы обеспечивается наличием развернутого синонимического ряда. Синонимы часто являются стилистически маркированными, различаются эмоционально-экспрессивной окраской, оценочными характеристиками. Так, например, по данным А.А. Даниловой, семантическое поле английского слова *war* (война) включает следующие существительные: *war, warfare, fighting, civil war, conflict, battle, skirmish, action, engagement, brush, encounter, scrimmage, attack, assault, onslaught, sortie, combat* (война, столкновение, сражение, гражданская война, вооруженный конфликт, битва, стычка, бой (столкновение войск), бой (столкновение между вооруженными сторонами), краткое столкновение, вооруженное столкновение, стычка между враждебными группировками, драка, атака, нападение (военная атака), бешеная атака, вылазка, бой) [1. С. 56]. Мы бы сюда еще добавили *conflagration* (пожар войны), *hostilities* (военные действия, боевые действия), *hot war* (вооруженный конфликт, реальные боевые действия), которые, по данным словарей, являются синонимами слова *war* (MWD). Как видно, при всей смысловой близости замена одного слова на другое придаст предложению иной смысл.

Подтверждение сказанному находим в текстах информационных сообщений, в которых речь идет о событиях августа 2008 г. на Кавказе. Описывая эти события, западные СМИ преимущественно употребляли слово *war* — война, хотя встречались также *conflict, armed conflict*:

Russia has extended the conflict to a **war** inside Georgia. The West will have a hard time responding (Economist, 08.11. 2008).

Интересно отметить, что и после прекращения военных действий, которые продолжались всего пять дней, слово *war* продолжает оставаться предпочтительным:

The recent **war** between Georgia and Russia came about through political failure on the part of all of the authorities involved (<http://international.sp.nl>).

The Monitoring Committee deplors the fact that, one year after the tragic outbreak of the **war** between Georgia and Russia, little tangible progress has been achieved in addressing the consequences of this war (Guardian, 12.12.2009).

Если в дни событий употребление слова *war* было, в некоторой степени, оправданным, поскольку тогда трудно было предвидеть, как будут проходить эти драматичные события и каковы будут их последствия, то после их окончания в использовании данного слова есть скрытый смысл. Поскольку слово *war*, как и русское слово *война*, называет военные действия, которые продолжаются длительное время (*fighting between two or more countries, that involves the use of armed forces and usually continues for a long time*) [12], его употребление усиливает драматизм имевших место событий и вину России, которая, по мнению Запада, была их инициатором.

Российские СМИ, напротив, в отношении данных событий предпочитают использовать слово *конфликт* — *военный конфликт*, *вооруженный конфликт*. В дни военных действий и некоторое время вскоре после них использовалось еще более нейтральное слово *операция* — «*операция по принуждению к миру*», тем самым подчеркивался вынужденный характер этой операции и ее миролюбивая цель:

В тот же день Россия, чтобы защитить миротворцев и граждан республики, большинство из которых имело российское гражданство, начала «**операцию по принуждению Грузии к миру**». Активные боевые действия закончились 12 августа, Россия официально объявила об успешном окончании **операции** (РИА Новости, 26.12.2008).

Начиная с августа 2008 года, когда произошел **вооруженный конфликт** между Грузией и Россией, ПАСЕ почти каждую сессию обсуждала отношения России и Грузии (<http://www.rosbalt.ru/11/01/18>).

Таким образом, употребляя слова *war* (война) и *конфликт* для наименования одних и тех же событий, журналисты по-разному расставляют политические акценты в тексте, формируют у своих читателей (слушателей) определенное к ним отношение.

В процессе создания текста авторы манипуляционного дискурса часто выбирают из семантического поля наиболее нейтральное слово, однако даже нейтральное слово в определенном контексте может выполнять воздействующую роль, так как в противопоставлении со словом с ярко выраженной отрицательной коннотацией оно в скрытой форме передает позитивную оценку данного издания, отражая позицию всей идеологической системы, и наоборот, при описании событий, осуждаемых данной системой, выбираются эмоционально окрашенные слова с отрицательными коннотациями. Ср.: *миротворческий контингент* — *карательные* или *оккупационные войска*, *peacemakers* — *aggressors*. Это наиболее ярко видно в словосочетаниях с политико-оценочными коннотациями в текстах, освещающих столкновения интересов политических партий, различные военные конфликты, террористические акты и т.д.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем результаты анализа информационных материалов о взрывах в метро в июле 2005 г. в Лондоне и в марте

2010 г. в Москве, размещенных на сайте BBC NEWS <http://www.bbc.co.uk/news>. Хотя данные события были так ужасающе похожи (оба взрыва произошли утром на нескольких станциях двух столиц, в результате были десятки и погибших и раненых), тональность этих сообщений и расстановка акцентов существенно различаются. Отношение к взрывам в Лондоне и к их исполнителям однозначное — это был террористический акт, исполнителей которого ждет суровое наказание.

Тот факт, что в Лондоне имел место именно террористический акт, заявлено уже в самом заголовке — *London rocked by **terror attack***. В тексте короткого информационного сообщения слова *terrorist, terror* повторяются несколько раз: приводятся слова премьер-министра Тони Блэра, который заявил, что совершенно ясно, что имел место ряд террористических актов (...it was “reasonably clear” there had been a series of **terrorist attacks**), также он сказал: «Мы не пойдем на уступки террористам, мы их найдем, и они предстанут перед судом (“We will not yield to these **terrorists**, we will find them, we will bring them to justice”). Приводятся слова президента Буша, который заявил, что война с террором продолжается (*the war on **terror** goes on*). В сообщении дается сильная эмоциональная оценка данному событию, для чего используется слово *barbaric* (дикий, варварский, первобытный), и подчеркивается, что «особенно дико» (*particularly barbaric*), что это зверство было запланировано на время проведения саммита Большой Восьмерки, которая собралась, чтобы попытаться помочь решить вопросы бедности в Африке (*It’s particularly barbaric that this has happened on a day when people are meeting to try to help the problems of poverty in Africa*). Таким образом, здесь имплицитно противопоставляются варвары и цивилизованный мир, который несет добро.

В сообщении о взрывах в московском метро слов *terrorist, terror* нет ни в заголовке, ни в самом тексте сообщения. Вместо них встречаем — *suicide bombings, suicide bomb attacks, suicide bombers, militant groups*. Сообщается, что российские службы безопасности связывают подорвавшихся в метро с воюющими группировками (*militant groups*) на Северном Кавказе и отмечается, что предыдущие взрывы смертников в столице были осуществлены исламистскими повстанцами (*Islamist rebels*), которые борются за независимость Чечни от России (*fighting for independence from Russia in Chechnya*). И даже это утверждение, очевидно, представляется автору этих строк слишком категоричным, так как после глагола «совершили» он добавляет «или на них была возложена вина» (*Past suicide bombings in the capital have been carried out by or blamed on Islamist rebels fighting for independence from Russia in Chechnya.*) (<http://news.bbc.co.uk> 29.03.2010).

Таким образом, если взрывы в лондонском метро однозначно совершили варвары-террористы, которые бросают вызов всему цивилизованному миру и с которыми ведется война, то в Москве это были борцы за независимость, действия которых могут вызвать у читателей неоднозначное отношение — как осуждение, так и сочувствие.

Аналогичное наблюдение сделал писатель Ник Перумов, живущий в США, который сообщил интернет-телеканалу *Russia.Ru*, какой была реакция американ-

ских и английских СМИ на взрывы, прогремевшие в московском метро: «В США, в стране, которая сама пережила тяжелый террористический акт, случившееся вызвало плохо скрываемое злорадство. Достаточно открыть редакционную статью газеты *The New York Times*, чтобы прочитать все тот же клишированный набор фраз о «чеченских борцах за свободу», которых никогда не называют террористами — только *rebels* — повстанцы, восставшие, партизаны, которые, таким образом, вводятся в благородный контекст» (<http://www.vz.ru/news/2010/4/5/389947.html>).

Примеры подобного манипулирования общественным мнением не единичны. В информационном сообщении, опубликованном в газете *The New York Times* от 1 апреля 2010 г., говоря о главаре террористической группировки Доку Умарове, взявшем на себя ответственность за взрывы в московском метро, употребляются следующие слова: *chechen rebel warlord* (*warlord* — полководец, военачальник [10], *military leader* — [12]), “*self-styled*” *emir* (самопровозглашенный эмир), *president of the unrecognized independent Chechen Republic of Ichkeria* (президент непризнанной независимой Республики Ичкерии), *warrior* (воин), *key leader* (ключевая фигура). Как видим, ни в одном из них нет отрицательной оценки, в отличие от русских информационных текстов, где Доку Умарова называют *лидер чеченских боевиков*, *главарь чеченский сепаратистов*, *лидер кавказского бандподполья*, *главарь бандподполья*, *лидер бандформирований*, *бандитский главарь*, *активный участник террористического движения*, *террорист*.

То же видим в информационных сообщениях о террористическом акте в аэропорту Домодедово, произошедшем в январе 2011 г. Ср.:

Лидер северокавказских боевиков Доку Умаров взял на себя ответственность за теракт в московском аэропорту «Домодедово» (<http://www.lenta.ru/news>).

Лидер бандитского подполья на Северном Кавказе Доку Умаров взял на себя ответственность за теракт в аэропорту «Домодедово» (<http://chelovekizakon.ru>)

Chechen warlord Doku Umarov has claimed responsibility for last month’s suicide bombing at a Moscow airport.

Doku Umarov is the Chechen **separatist warlord** most closely linked to recent deadly attacks on Russia (<http://www.bbc.co.uk/news>).

На сайте BBC в тексте, в котором перечисляются зверства, совершенные Умаровым, и называется число жертв (в том числе захват школы в Беслане, где погибло более 300 человек), встречаем многократное **Mr. Umarov**, что представляется кощунственным при всем уважении к английскому этикету:

The suicide attack on the arrivals area of Domodedovo international airport on 24 January left 36 people dead and 180 injured. In a video posted online, **Mr. Umarov** said the attack was a response to “Russian crimes in the Caucasus”.

Mr. Umarov is also said to have ordered the November 2009 bombing of a train from Moscow to St Petersburg that claimed 26 lives... (www.bbc.co.uk/.../world-europe-12269155).

Mr. Umarov is self-styled leader of the “Caucasus Emirate” and is considered the head of the Islamist militant insurgency in the North Caucasus. He is one of the few **prominent Chechen rebels** still active, having served as security minister in the Chechen separatist government from 1996—99 (<http://www.bbc.co.uk/news/world>).

Помимо уже названных средств создания «положительного» образа главаря боевиков следует также обратить внимание на прилагательное *prominent* (видный; известный; выдающийся; значительный) [10], которое имеет положительную коннотацию, в отличие от другого английского прилагательного *notorious* (печально известный, известный с плохой стороны) [10], которое было бы здесь более уместным, если бы автор не преследовал особой цели.

Как видим, несмотря на то, что англоязычные СМИ информируют аудиторию о всех преступлениях Умарова, они имплицитно формируют вполне нейтральное к нему отношение, в то время как российские СМИ, как правило, через эмоционально-оценочные средства прямо выражают свое резко отрицательное отношение.

Любопытно, что отношение к другому чеченскому лидеру — Рамзану Кадырову — англоязычные СМИ выражают по-другому. Так, после его назначения президентом Чечни газета *The Washington Post* опубликовала статью под заголовком *The Gangster President*, в которой, в частности, говорится:

THIS WEEK Vladimir Putin delivered another clear message about the kind of state Russia is becoming. He did so by nominating as the new president of the republic of Chechnya a man named Ramzan Kadyrov — **an unspeakably savage and corrupt warlord**. Mr. Kadyrov has done Mr. Putin a great service: Using his own militia — **gang** might be a better term — he has imposed order in the name of the Kremlin on most of the rebellious republic, allowing the Russian president to declare victory in the war he started more than seven years ago (*The Washington Post*, 03.03.2007).

Как видим, для характеристики Кадырова используются совсем иные оценочные средства — *unspeakably savage and corrupt warlord* (*savage* — дикий, варварский, свирепый, жестокий [10]), а его ополченцы называются бандой (*gang*), в заголовке сам Кадыров называется бандитом, гангстером (*gangster*), и никакого *Mr.* здесь нет, хотя он и президент.

Языковые средства воздействия широко используются для того, чтобы формировать у аудитории не только отношение к отдельным деятелям, но и к целым странам, а также проводимой ими политике. Так, осуждение Запада фактом отделения Абхазии и Северной Осетии от Грузии проявляется в регулярном использовании в СМИ прилагательного *breakaway* (отколовшиеся), в результате чего *breakaway regions*, а затем и *breakaway republics* стали штампами:

Russia signs treaties with Georgia's **breakaway regions** (<http://www.voanews.com/english/news>).

Venezuela today recognised the independence of Georgia's two **breakaway republics** of South Ossetia and Abkhazia, in an unexpected move that delighted Russia but provoked a vituperative response from Georgia (*Guardian*, 2009.09.10).

С 90-х гг. во время президентства Клинтона для обозначения стран, враждебно настроенных к США и не находящихся в фарватере американской политики (Иран, Ирак, Северная Корея, Афганистан, Ливия, Югославия), администрацией США стали употребляться словосочетания *rogue states* или *rogue countries*, быстро

подхваченные средствами массовой информации. Так, у слова *rogue*, имеющего значения «жулик, мошенник, негодяй, инородная культура», как биологический термин — «экземпляр, резко отличающийся от представителей породы, уклоняющаяся форма» [10], в данном сочетании появилось новое значение — «страна-изгой», которое еще не нашло отражения в англо-русских словарях, но отмечается в английских — «член группы, который ведет себя не как все и считается опасным или создающим проблемы (a rouge member does not behave in the same way as its other members and is considered dangerous or likely to cause problems)» [12]. В конце президентского срока Клинтона его администрация стала использовать более мягкий термин “*states of concern*” (страны, вызывающие озабоченность), однако во время администрации Дж. Буша понятие *rogue countries* было возрождено, а затем заменено на еще более сильное — *Axis of Evil* (ось зла), которое использовалось для обозначения Ирана, Ирака и Северной Кореи (другие страны по политическим причинам из данного списка были исключены). Впервые метафорическое выражение *Axis of Evil* прозвучало в обращении президента Буша в 2002 г.

Несмотря на то что выражения *rogue states*, *Axis of Evil* подвергаются резкой критике со стороны ряда политических, общественных деятелей и ученых, которые называют их шовинистическими (среди критиков данных идеологических штампов, в частности, известный американский лингвист Н. Хомски (см. <http://www.chomsky.info/interviews/200105>)), в англоязычных средствах массовой информации они широко используются и стали политическими штампами:

US to take North Korea off **rogue states** list and lift sanctions (Guardian, 26.07.2008).

Of all the countries on the US list of so-called “rogue states”, the case is the weakest for Cuba (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/1988810.stm>).

The original “**axis of evil**” list, pronounced by US President George W Bush in 2002, comprised Iraq, Iran and North Korea. US Undersecretary of State John Bolton has said that Syria, Libya and Cuba are also candidates (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/1988810.stm>).

Говоря о средствах скрытого языкового воздействия на массовое сознание, используемых СМИ, нельзя не упомянуть также эвфемизмы — эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных слов или выражений, представляющихся говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, неприличными, слишком резкими, грубыми или нетактичными (см. [4]). Эвфемизмы представляют собой способ непрямого и смягченного обозначения предмета, свойства, действия или явления. Таким образом, эвфемизация — понятие не столько языковое, сколько социальное, когда речь идет о публицистическом или политическом дискурсах — идеологическое.

Эвфемизация, как отмечают исследователи, выполняет две основные функции — используется как средство смягчения, понижения грубости и как средство сокрытия истины [2. С. 529]. В качестве манипулятивного средства в текстах СМИ они выполняют, как правило, вторую функцию.

В русских информационных текстах многие понятия заменены эвфемизмами, которые уже стали неотъемлемой частью новостной лексики. Вместо зловещего слова *война*, как мы уже отмечали, используются нейтральные *конфликт*, *операция*, а также *спецоперация*, *миротворческая операция* или *наведение конституционного порядка*. В армии расследуются не факты *издевательств старослужащих над новобранцами*, а *неуставные отношения*, боевиков не *убивают*, а *ликвидируют* и т.д.:

Российские силовики проводят крупномасштабную операцию по **ликвидации** одного из лидеров северокавказского бандитского подполья Доку Умарова.

Следственные органы установили, что на границе со Ставропольским краем **были ликвидированы** боевики, которые участвовали в нападении на конвой МВД (<http://www.interfax.ru/news>).

Эвфемизация наблюдается и в других сферах жизни, в частности, в экономической и социальной. Так, например, вместо *повышение цен* встречаем *либерализация цен*, *регулирование цен* или *неконтролируемое рыночное ценообразование*. Чтобы сгладить проблемы имущественного и социального неравенства людей, слово *нищие* заменено на менее эмоциональное *малообеспеченные*, а *бездомные* на *люди без определенного места жительства* или *бомжи*.

В английском языке эвфемизация — также широко распространенное явление, встречаемое в СМИ. Как и в русском языке, вместо *to kill* (убить) употребляется *to eliminate* (ликвидировать, устранить), вместо *killing* — *neutralisation*, *neutralization* (нейтрализация), что означает «устранение угрозы путем убийства или разрушения, особенно в тайных или военных операциях» (*the removal of a threat by killing or destroying it especially in a covert operation or military operation*) [13]:

Brit Asians travel to India to hire contract killers **to eliminate** the unwanted.

For the security forces, **the neutralization** of the two ...militants is a resounding success (<http://www.newsportal/world>).

Вместо *свержение режима* (*regime overthrow*), в случае, если этот факт получает официальное одобрение, употребляется нейтральное *regime change* — смена режима, вместо *deserting* (дезертир) появился эвфемизм *un-volunteering* (букв.: «недоброволец»), вместо *refugee* (беженец) — *internally displaced person* («временно перемещенное лицо»).

Во время войны во Вьетнаме получило распространение эвфемическое выражение *collateral damage* (букв: побочный ущерб), которое употребляется в отношении мирных жителей, погибших во время войны или военных операций: *The bombs were aimed at military targets but there was some collateral damage to civilian areas* [11].

Данное выражение широко осуждается общественностью за его циничный скрытый смысл и приводится в качестве примера двойных стандартов, когда убийство, названное другим словом, якобы перестает быть убийством. Так, Том Энгельхард в статье *The contemporary barbarism of air power: Collateral damage*, опубликованной в английском издании *Le Monde Diplomatique* 3 августа 2006 г., пи-

шет: «...в наших СМИ такие термины, как „варварство“ и „терроризм“ (*barbarism and terrorism*), не применяются к израильским бомбардировкам... Для премьер-министра Ливана то, что делает Израиль с его страной, может быть варварским разрушением (“*barbaric destruction*”)... Для нас это неточные удары бомб с лазерным наведением, побочный ущерб (*dumb hits by smart bombs, collateral damage*)» (*Le Monde Diplomatique, English edition, 03.08.2006*). Эти слова известного американского журналиста и писателя являются ярким свидетельством того, как одно и то же событие в зависимости от идеологических воззрений автора, стоящего за ним издания и всей политической системы может быть названо разными словами, по-разному охарактеризовано и, соответственно, по-разному воспринято аудиторией.

В данной статье мы назвали лишь некоторые способы скрытого воздействия на общественное мнение, используемые в СМИ, ограничившись в основном текстами информационных сообщений. В связи с усилением функции воздействия, наблюдаемого в современных средствах массовой информации, журналисты ищут новые приемы, привлекают новые языковые средства с целью привлечения внимания к тем или иным фактам действительности и формирования определенного к ним отношения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. — М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2009.
- [2] Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [3] Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. — М., 2008.
- [4] Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [5] Михальская А.К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов международной научной конференции. — М.: Добросвет, 2001.
- [6] Попова Т.И. Жанровая дифференциация, отбор языковых средств в публицистике: Речевая агрессия и речевая манипуляция в СМИ // Русский язык и культура речи: Учебник для технических вузов / Под ред. В.И. Максимова и А.В. Голубевой. — М., 2006.
- [7] Трофимова О.В., Кузнецова Н.В. Публицистический текст: Лингвистический анализ: Уч. пос. — М.: Флинта, Наука, 2010.
- [8] Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. — М.: ЛКИ, 2007.
- [9] Chomsky N. Rogue States Draw the Usual Line <http://www.chomsky.info/interviews/200105>
- [10] НБАРС — Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. — М.: Русский язык, 1999.
- [11] LDELС — Longman Dictionary of English Language and Culture. — Addison Wesley Longman, 1998.
- [12] MED — Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. — Macmillan Publishers Limited, 2002.
- [13] MWD — Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>

LANGUAGE MECHANISMS USED TO MANIPULATE PUBLIC OPINION IN ENGLISH AND RUSSIAN NEWS TEXTS

**T.V. Larina, V.I. Ozyumenko,
E.B. Ponomarenko**

Foreign Languages Department, Faculty of Philology
Foreign Languages Department, Faculty of Law
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The paper touches upon some implicit language mechanisms used by British, American and Russian mass media, particularly in news texts, to influence public opinion by forming some specific stereotypes in the minds of the masses while relating to political and social events as well as countries and public figures.

Key words: language manipulation, manipulative influence, public opinion, emotional evaluation, euphemism.